

Олэг Ю. МИХАЛЕВ

Woroneski Uniwersytet Państwowy, Rosja

Россия и Турция после инцидента с российским СУ-24: создание образа врага

Резюме: В статье анализируется антитурецкая кампания, которую ведут главные российские телеканалы после инцидента 24 ноября 2015 года, когда российский бомбардировщик Су-24 был сбит ракетой с турецкого истребителя F-16 во время выполнения задания в северной части Сирии. Показана техника создания образа врага, а также цель и результаты этой пропагандистской кампании. Автор постарался оценить результаты охлаждения российско-турецких отношений, а также эффективность введения политических и экономических санкций относительно Турции. Он пришел к выводу, что между странами существуют серьезные противоречия в понимании их позиции на Ближнем Востоке и будущего Сирии. Это грозит повторением кризисных ситуаций, похожих на инцидент с Су-24, не смотря на то, что правительства России и Турции сделали выводы после этого случая, стали более осторожными и будут стараться не перейти к прямой конфронтации.

Ключевые слова: Россия, Турция, международные отношения, война в Сирии

Конец 2015 года ознаменовался резким ухудшением российско-турецких отношений, что не только осложнило и без того драматичную обстановку на Ближнем Востоке, но и создало дополнительный очаг напряженности в отношениях между Россией и Западом. 24 ноября российский фронтовой бомбардировщик СУ-24, выполнявший задание в северной части Сирии, недалеко от турецкой границы, был сбит ракетой с турецкого самолета F-16 и упал в четырех километрах от границы с Турцией на сирийской территории. Один из летчиков погиб, другого удалось эвакуировать в ходе спасательной операции, несмотря на гибель одного из спасателей и потерю вертолета. Впервые за весь период существования НАТО одна из стран альянса совершила нападение на российский самолет, что могло привести к непредсказуемым последствиям.

Сразу после инцидента ведущие российские СМИ обрушили на зрителей и слушателей поток антитурецкой пропаганды, которая должна была в кратчайшие сроки убедить общество во враждебности

позиции Турции и необходимости принятия против нее жестких ответных мер. Хотя россияне к этому времени начали свыкаться с мыслью, что пребывают в окружении врагов (по данным социологических опросов, 54% соглашались с тем, что Россия находится в международной изоляции) (Борусьяк, Левинсон, 2015), к Турции отношение было скорее позитивное. Два страны связывали достаточно тесные экономические и политические контакты, крупные энергетические проекты, а, кроме того, Турция служила любимым местом отдыха для миллионов россиян, по достоинству оценивших ее относительно дешевую систему «all inclusive». Однако к этому времени российская пропаганда уже получила большой опыт в создании врага на примере Украины и располагала хорошо отработанным арсеналом приемов. На примере двух ведущих телеканалов, подконтрольных государству («Первый» и «Россия 1»), которые задают информационный тон в стране и формируют общественное мнение, поскольку из них черпает сведения о происходящем в мире большая часть населения, мы рассмотрим приемы создания образа врага, а также постараемся проанализировать цели и результаты данной пропагандистской кампании. Ссылки будут приводиться на «Первый канал», сайт которого содержит текстовые версии новостных программ, более удобных для анализа, однако следует иметь в виду, что методы и приемы подачи материала на «России 1» принципиально ничем не отличались.

Главным инструментом доведения до населения официальной точки зрения стали сюжеты в новостях, многократно повторяемые в течение дня, причем в первые дни после инцидента с СУ-24 количество таких сюжетов достигало 3–4 в ходе одного выпуска, каждый продолжительностью в несколько минут. Позиция правительства была озвучена сразу же, днем 24 ноября, устами президента В.В. Путина, который на встрече с королем Иордании Абдаллой II охарактеризовал действия Турции как «удар в спину, который нам нанесли в спину пособники террористов». Он отметил, что российские летчики никак не угрожали Турции, поскольку выполняли операцию над территорией Сирии против террористов, которые «в любую секунду могли вернуться в Россию». И Россия никогда не потерпит подобные преступления, несмотря на то, что «всегда относилась к Турции как не просто к близкому соседу, а как к дружественному государству» (Первый канал, 2015, 24 ноября). Любопытно отметить, что столь быстрая реакция вызвала удивление у некоторых комментаторов, привыкших к тому, что в критические моменты Путин обычно берет

паузу и не спешит появляться на публике, так что даже появились гипотезы о намеренном втягивании Турции в конфликт (*Турция – союзник в борьбе с ИГИЛ*, 2015).

Первое, в чем телеканалам следовало убедить российских граждан – это в том, что ответственность за инцидент несет исключительно турецкая сторона, а оправдывающие ее действия аргументы являются несостоятельными. Сразу же было объявлено, что сбитый самолет наносил удары по объектам в Северной Сирии, где «действуют радикальные группы, в составе которых сотни выходцев из России, представляющих реальную опасность для нашей страны». «По данным средств объективного контроля» в воздушное пространство Турции бомбардировщик не заходил и возвращался на базу в Латакии вдоль турецкой границы «без боекомплекта, практически безоружный». В километре от границы его настигла ракета, выпущенная турецким истребителем, а место падения находилось в четырех километрах от территории Турции. Указывалось, что агрессия со стороны Турции была не только неспровоцированной, но и внезапной, поскольку никаких предупреждений СУ-24 не получал, а информация турецких военных о том, что они предостерегали российских летчиков 10 раз в течение 5 минут, отметалась как несостоятельная (Первый канал, 2015, 24 ноября).

В последующие дни действия Турции были определены как спланированная провокация, о чем, в частности, заявил 25 ноября министр иностранных дел России С. В. Лавров. Он отметил также, что не удовлетворен оправданиями турецкого коллеги Мевлюта Чавушоглу, будто турецкие летчики не знали, что это российский самолет и могли принять его за сирийский (Первый канал, 2015, 25 ноября). В подтверждение слов Лаврова российские военные 27 ноября обнародовали информацию, что, по их данным, турецкие истребители больше часа поджидали российский бомбардировщик недалеко от границы. Когда СУ-24 приблизился на минимальное расстояние, турецкий F-16 по команде с земли резко ускорился, выпустил ракету, затем быстро развернулся, находясь уже над территорией Сирии, и на малой высоте вернулся в Турцию. Такое поведение свидетельствует о «вероломности и плановости действий экипажа», а также о том, что провокация готовилась заранее. Это же подтверждают опубликованные в Интернете видеосъемки происшествия, так как «оператор знал примерное время и место начала атаки» (Первый канал, 2015, 27 ноября).

Обращают на себя внимание неоднократно повторяемые слова о внезапности турецкого нападения. Для россиян, по крайней мере старшего поколения, они не могут не ассоциироваться с другим внезапным нападением на нашу страну – 22 июня 1941 г. Уже одно это косвенное сравнение Турции с фашистской Германией должно было, с одной стороны, демонизировать противника, а с другой, показать гражданам серьезность ситуации и заставить теснее сплотиться вокруг правительства. Между тем в дни после инцидента с Су-24 российские телеканалы ни разу не вспомнили, что Турция уже проявляла недовольство нарушением турецкого воздушного пространства российскими самолетами. В частности, 3–4 октября турецкие власти выражали протест российскому послу, а президент Реджеп Тайип Эрдоган грозил разрывом газовых контрактов и договора с Росатомом о строительстве первой в Турции атомной электростанции (АЭС „Аккую”) (Deutsche Welle, 2015). 17 октября, после того как турецкие ВВС атаковали и сбили беспилотник российского производства, премьер-министр Ахмет Давутоглу заявил, что Турция будет без сомнений сбивать военные самолеты, вторгающиеся в ее воздушное пространство вне зависимости от того, какой бы стране они не принадлежали (РИА Новости, 2015). В интерпретации событий российскими телеканалами не было никаких сигналов ухудшения российско-турецких отношений после 30 сентября, когда Россия начала проведение военной операции в Сирии, и даже, как сообщалось, за неделю до инцидента с Су-24, во время саммита G-20 в Анталье, «президент Эрдоган широко улыбался президенту Путину» (Первый канал, 2015, 24 ноября).

Важнейшей темой обвинений в адрес Турции стали указания на ее прямую связь с ИГИЛ. Уже в своей речи 24 ноября В. В. Путин сказал, что Россией давно зафиксирован факт, что на территорию Турции идет большое количество нефти и нефтепродуктов с захваченных ИГИЛ территорий, и террористы за счет этого получают огромные финансовые средства (Первый канал, 2015, 24 ноября). О том, что Турция покупает нефть у ИГИЛ, говорили и в последующие дни, однако до некоторых пор это не сопровождалось доказательствами, так что Эрдоган даже пообещал уйти в отставку, если факты покупки Турцией нефти у ИГИЛ будут подтверждены (Life News, 2015). Через три дня после его слов российский телеканалы показали брифинг, проведенный заместителем министра обороны А. Антоновым, где самым подробным образом рассказывалось, как

нефть ИГИЛ попадает в Турцию. Зрителю предъявлялись снимки со спутников и беспилотников, видеокадры, на которых можно было видеть движение десятков автоцистерн от участков сирийской границы, контролируемых группировкой «Джебхат ан-Нусра», к турецким портам Дергйол и Искендерун, а также к нефтеперерабатывающему заводу в турецком городе Батман. Заявлялось, что российские авиаудары нанесли серьезный урон нефтяной инфраструктуре ИГИЛ, а также интересам представителей турецких властей, вовлеченных в преступный бизнес. По данным, озвученным Антоновым, деловые контакты с террористами имеет и непосредственно семья Эрдогана, в частности сын президента Биалал. На продемонстрированных снимках он позировал рядом с представителями ИГИЛ. Вывод из представленной информации был однозначен – Турция стремится воспрепятствовать российской военной операции в Сирии, поскольку та подрывает установление ею контроля над нефтеносными районами и мешает получению сверхприбылей, а значит позиция Турции в сирийской конфликте отнюдь не продиктована стремлением установить в Сирии демократическое правление (Первый канал, 2015, 2 декабря).

По мнению российского министерства обороны, Турцию с террористами связывает не только экономическое, но и военное сотрудничество. Она вооружила ополчение туркмен (туркоманов), проживающих в северной части Сирии (7–8 тыс. человек), и именно из этого оружия боевики обстреливали катапультировавшихся российских летчиков сбитого СУ-24, причем один из них был убит. На упомянутом брифинге было заявлено, что «только за последнюю неделю с территории Турции в отряды ИГИЛ и „Джебхат ан-Нусра“ переброшено до двух тысяч боевиков, порядка 120 тонн боеприпасов и 250 единиц автомобильной техники. По нашим достоверным разведывательным данным, турецкая сторона подобные мероприятия проводит длительное время и на регулярной основе. И самое главное, не планирует их прекращать» (Первый канал, 2015, 2 декабря). Впрочем, о поставках вооружения террористам Турцией российские телеканалы говорили многократно.

Поскольку уже в первые дни после инцидента стало утверждаться, что российский самолет был сбит по приказу самого Эрдогана (Первый канал, 2015, 24 ноября), острое антитурецкой кампании пропаганда направила против турецкого президента лично. Крупнейшим выпадом был сюжет, показанный 13 декабря в воскресном выпуске новостей на Первом канале. В течение нескольких минут

зрителям рассказывали о самых неприглядных сторонах деятельности Эрдогана: связях с мафией с детского возраста, получении взяток, стремлении к безраздельной власти и подавлении политических оппонентов, ухудшении отношений с соседями и провоцировании потока беженцев в Европу. Представленные каналом эксперты доказывали, что Эрдоган видит себя новым султаном Сулейманом и мечтает о восстановлении Османской империи, в том числе за счет сирийских земель. Поэтому удар по российскому самолету – реакция на вторжение в сферу, которую Турция уже считала своей, реакция не слишком продуманная, продиктованная эмоциями, хотя не исключено, что согласованная с западными партнерами (Первый канал, 2015, 13 декабря).

Последний тезис, подкрепляемый высказываниями представителей Вашингтона в поддержку действий Турции, звучал в предшествующие дни неоднократно. Критикуя турецкие власти, российское телевидение не упускало возможности напомнить населению, что за спиной у турок стоят США и НАТО, которые вроде бы и заинтересованы в совместной борьбе с терроризмом, но не желают усиления позиций России на Ближнем Востоке. Кроме того, США могла не понравиться перспектива российско-французского сотрудничества, наметившаяся после террористических атак в Париже, и нанеся турецкими руками удар в спину России, они попытались если не остановить ее военную операцию в Сирии, то по крайней мере вернуть ее под контроль НАТО (Первый канал, 2015, 24 ноября).

Пожалуй, последним из списка претензий, предъявляемых Турции, было то, что, сбив для защиты своего воздушного пространства российский самолет, хотя можно было бы и ограничиться более мягкими мерами (сопровождением истребителями, открытием предупредительного огня и др.), она сама регулярно нарушает границы других стран. И речь не только о Сирии, ставшей ареной боевых действий, но и, в частности, о Греции. 1 декабря сообщалось, что шесть турецких истребителей F-16 полчаса находились в греческом воздушном пространстве, и это не является уникальным случаем, так как в среднем за год подобных нарушений границы происходит около полутора тысяч (Первый канал, 2015, 1 декабря). Через несколько дней рассказывалось уже о том, что Турция нарушила суверенитет Ирака, направив в район Мосула десятки бронемашин и вооруженных людей, в связи с чем иракские власти выразили дипломатичес-

кий протест и потребовали немедленного вывода войск (Первый канал, 2015, 5 декабря).

Для того чтобы поток обвинений в адрес Турции выглядел более убедительным, проправительственные российские телеканалы дополняли официальную информацию и слова журналистов высказываниями отечественных экспертов и политиков, представляющих различные партии, и материалами из зарубежных СМИ, подбираемыми таким образом, чтобы создавалось впечатление, что весь мир убежден в правоте российской позиции. Иностранцы респонденты, действительно, представляли довольно широкий круг стран. Так, в репортаже от 25 ноября «Первый канал» ссылался на чиновника министерства финансов США, британскую газету «The Guardian» и бельгийский еженедельник «Тренд». 26 ноября приводились высказывания американских телекомпании CNN и сетевого издание Defense One, представителя оппозиционной турецкой партии и депутата Европарламента от Греции. Все они говорили о связях Турции с ИГИЛ и осуждали действия правительства Эрдогана (Первый канал, 2015, 25–26 ноября). Не стоит, впрочем, думать, что на телеэкранах точка зрения Стамбула не была представлена вовсе. Передавались слова представителей турецких властей, в том числе сожаления президента Эрдогана после инцидента, который утверждал, что Турция не хотела столкновения, но должна была защищать свои границы (Первый канал, 2015, 28 ноября). Однако эти высказывания сопровождалось жесткими комментариями, которые не могли оставить у зрителя сомнений в ничтожности таких оправданий. Постоянно подчеркивались и выпячивались слабые стороны турецкой позиции, создавая впечатление, что Турция только юлит и выкручивается, стараясь исправить сделанную ошибку.

Значимым элементом антитурецкой кампании в российских СМИ стало раскручивание ответных мер, которые должны были продемонстрировать твердое намерение России наказать Турцию и не допустить в будущем повторения подобных инцидентов. Информация о первых ответных мерах появилась уже 25 ноября, когда министр обороны Сергей Шойгу объявил о прекращении всех контактов с Турцией по военной линии и введении систем противовоздушной обороны в зону сирийского конфликта. Если ранее российские самолеты летали на задания без прикрытия из-за отсутствия авиации у противника, то теперь к берегам Сирии в районе Латакии перебрасывался ракетный крейсер Москва с мощной системой ПВО, а также

на аэродроме разворачивались зенитно-ракетные комплексы С-400, способные отслеживать воздушные цели, в том числе низколетающие, над всей территорией Сирии (Первый канал, 2015, 25 ноября). Появление С-400 грозило перерастанием кризиса в отношениях России и Турции в широкомасштабный конфликт, в случае если атаке бы подвергся турецкий самолет. Во всяком случае, Эрдоган грозился принять меры при таком повороте событий, расценивая возможное нападение как агрессию и покушение на государственный суверенитет. Но, делая громкие заявления, турецкие власти все же благоразумно решили не искушать судьбу, и российские СМИ с удовлетворением констатировали, что после случая с СУ-24 ни один турецкий самолет даже не приблизился к сирийской границе (Первый канал, 2015, 29 ноября, 2 декабря).

После военных мер настал черед экономических, обсуждавшихся на заседании Правительства России 26 ноября и оформленных президентским указом 28 ноября. Они предусматривали:

- запрет или ограничение на ввоз в Россию ряда товаров из Турции (прежде всего, овощи и фрукты – цитрусовые, виноград, помидоры, лук и огурцы);
- запрет или ограничение для турецких организаций на выполнение работ на территории России;
- запрет на привлечение турецких граждан к работе в России с 1 января 2016 года;
- с 1 января приостановку безвизового въезда в Россию для граждан Турции;
- ограничение туристических поездок граждан России в Турцию;
- запрет чартерных авиаперевозок между Россией и Турцией (Первый канал, 2015, 28 ноября).

Россиянам разъяснялось, что от разрыва торговых связей Турция пострадает значительно больше, чем Россия, поскольку турецкий экспорт будет легко заместить товарами из других государств. В российском импорте продовольствия доля Турции составляет всего около 4 процентов, причем 15% турецкой сельхозпродукции не соответствует российским нормам. Так что исчезновение этих продуктов не должно привести к росту цен. Еще более болезненным ударом по экономике Турции должна стать рекомендация российским туристам отказаться от посещения этой страны. В 2014 г. там побывали 4,4 млн. россиян (12% всего турпотока), и по этому показателю Россию опережала только Германия (Первый канал, 2015, 26 нояб-

ря). Правда, телеканалы скромно умалчивали о том, что закрытие возможности проводить отпуск в Турции нанесет также ощутимый удар по российскому турбизнесу, и так пострадавшему после того, как из-за крушения 31 октября лайнера Airbus A321 авиакомпании «Когалымавиа» правительство приняло решение о приостановке авиасообщения с Египтом. А ведь на Турцию и Египет приходится почти половина всех поездок россиян за границу. Неудивительно, что закрытие этих двух направлений, вместе с серьезным падением курса российского рубля, вызвало просто катастрофическое падение туристического рынка, вследствие которого к весне 2016 г. ожидается закрытие до 30% компаний (Бизнес Online, 2016). Столь стремительное сокращение возможностей выезда за границу дает повод задуматься, не являются ли ограничительные меры правительства целенаправленной политикой по закрытию страны по подобию того, как это было во времена СССР.

Еще одной ответной мерой, которая была призвана нанести удар по турецкой экономике, стало сворачивание проекта строительства «Турецкого потока». Информация об этом прозвучала по телевидению как-то вскользь и фактически не комментировалась, однако она, без сомнения, является чрезвычайно важной. Переговоры по газопроводу «Турецкий поток» продолжались между Россией и Турцией в течение всего 2015 г., открывшись вскоре после того, как Путин 1 декабря 2014 г. заявил об отказе от строительства «Южного потока» из-за «неконструктивной позиции Еврокомиссии», одновременно обещав увеличить поставки российского газа в Турцию (Вести.RU, 2014). Несмотря на заинтересованность обеих сторон в сделке, переговоры затянулись, в том числе вследствие проводимых в Турции выборов, так что незадолго до инцидента с СУ-24 Путин выражал надежду, что новое турецкое правительство в ближайшее время вернется к проработке проекта. Как оказалось, этому не суждено было случиться. Между тем Турция – второй после Германии потребитель российского газа, покрывающий за счет него 60% своих потребностей в голубом топливе. Поэтому отказ от «Турецкого потока», действительно, мог бы стать чувствительным для экономики страны.

Вместе с тем и для России срыв проекта был бы не менее болезненным, и не только из-за финансовых потерь «Газпрома», но прежде всего потому, что ставилась под вопрос реализация ее многолетней стратегии на преодоление зависимости от Украины как главного транзитера российского газа в Европу. Может быть, поэ-

тому на телевидении тему «Турецкого потока» не стали раздувать, понимая, что России легче отказаться от турецких помидор, чем от сотрудничества в сфере энергетики. А в начале 2016 г. появились сообщения, что российское правительство рассматривает возможность возобновления работ над «Турецким потоком» уже в текущем году (Коммерсант, 2016). По-видимому, схожим образом будет развиваться ситуация вокруг другого крупного энергетического проекта – строительства атомной электростанции «Аккую», переговоры по которой также были остановлены после обострения российско-турецких отношений (Интерфакс, 2015).

Важной составляющей информационной войны против Турции, ведущейся на главных российских телеканалах, стали политические ток-шоу. На «Первом канале» это программа «Время покажет», идущая в дневное время ежедневно по будням и «Политика», выходящая обычно по вечерам еженедельно, но в периоды повышенной напряженности несколько чаще. На канале «Россия 1» транслируется «Вечер с Владимиром Соловьевым», обычная периодичность которого раз в неделю, но в течение двух недель после инцидента с СУ-24 выходящий почти каждый день. Во всех случаях основной темой обсуждения становился кризис в российско-турецких отношениях и, шире, действия России на Ближнем Востоке.

В названных ток-шоу в студию приглашаются политики и эксперты, круг которых, впрочем, не слишком широк и повторяется из передачи в передачу. Соотношение сил среди собеседников таково, что правительственную точку зрения представляет в несколько раз больше людей, чем не согласных с ней, к тому же первые пользуются нескрываемой симпатией и поддержкой ведущих. Поэтому передачи проходили достаточно специфично: выступающие соревновались друг с другом, кто даст более жесткую отповедь турецким действиям. Возражения немногочисленных оппонентов быстро пресекались, получали жесткий отпор, их аргументация оказывалась жалкой и нелепой, лишней раз доказывая зрителям безальтернативность официальной позиции. Ярким примером может служить эпизод программы «Время покажет» 26 ноября, когда на слова одного из гостей, что прекращение торговых связей с Турцией негативно отразится на экономике России, ведущий Петр Толстой разразился гневной отповедью в том смысле, что жизни летчиков и «оскорбление, нанесенное народу России», гораздо дороже, чем любые финансовые потери, и, не дав возразить, обратился к другому эксперту (*Петр Толстой*

экономисту, 2015). Без сомнения, при таком подходе к обсуждению проблем, политические ток-шоу проправительственных телеканалов следует считать не беспристрастной попыткой проанализировать ситуацию, а звеном в пропагандистской кампании, необходимым для еще лучшего внушения зрителю необходимой информации.

Что же касается оценок, которые звучали в ток-шоу из уст экспертов, то они не сильно разнились с теми, что давались в выпусках новостей. Обращает на себя внимание, пожалуй, лишь то, что порой они позволяли себе в адрес Турции еще более жесткие высказывания, которые не могли допустить российские официальные лица. Так, военный эксперт Игорь Коротченко обвинял Эрдогана в провоцировании ядерного конфликта с Россией, а депутат Государственной Думы Михаил Старшинов предлагал оказать политическую и военную поддержку турецким курдам в борьбе за создание независимого курдского государства (*Политолог: Самый эффективный*, 2015).

Прежде чем говорить о результатах антитурецкой кампании в российских СМИ, следует уточнить цели, которые она преследовала. Поскольку основным получателем предлагаемой информации было население страны, главной целью являлось обеспечение поддержки действий правительства, что в свою очередь предполагало реализацию нескольких более узких, хотя и взаимосвязанных задач:

- Сплочение народа вокруг власти, которая, согласно официальной идеологии, противостоит все новым и новым врагам, стремящимся ущемить национальные интересы России. Эта доктрина «осажденной крепости» отнюдь не нова для российских реалий, и оппозиционные комментаторы считают, что едва ли не все внешнеполитические действия правительства последних двух лет продиктованы заботой о рейтингах популярности, начавших падать в предшествующее время (вспомним череду оппозиционных митингов 2011–2012 гг.). А ведь хорошо известно, что ничто так не объединяет общество, как внешняя угроза, и ничто так не повышает доверие к власти, как маленькая победоносная война.
- Легитимизация российского военного присутствия в Сирии в глазах сограждан, чему правительство с самого начала уделяло пристальное внимание. В том числе президент Путин лично в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что войска выполняют важнейшую задачу защиты России на дальних рубежах от террористической угрозы, и если не уничтожить боевиков ИГИЛ в Сирии, то рано или поздно они окажутся непосредственно у наших

границ. Однако такая аргументация не казалась слишком убедительной до тех пор, пока Турция выступала в качестве барьера, разделяющего Россию и ИГИЛ. Но если выяснялось, что турецкие власти прямо или косвенно поддерживают террористов, то тогда необходимость нанесения ударов по ИГИЛ существенно усиливалась.

- Оправдание понесенных потерь. Пока самолеты бомбили цели в Сирии с безопасной высоты, демонстрируя всему миру мощь российского оружия и вызывая чувство гордости у соотечественников, необходимость военных действий мало кто ставил под сомнение. Но гибель летчика позволяла задаться вопросом, не слишком ли дорогую цену мы платим за войну вдалеке от границ России. Создание образа врага внушало гражданам, что жертвы появились не из-за просчетов руководства страны, а вследствие предательских действий Турции, фактически вставшей на сторону террористов.
- Обеспечение поддержки населением ответных мер против Турции, что было особенно важно, поскольку, как мы видели выше, они не могли не сказаться на интересах россиян. Взывание к чувству национального достоинства должно было убедить граждан, что Турция вполне заслужила серьезные кары и что ради наказания вероломного агрессора стоит потерпеть незначительные неудобства.

В то же время медиа-война имела не только внутреннего, но и внешнего адресата. Ее задачей являлось показать руководству Турции, а также всему миру, что Россия настроена решительно, не позволит воспрепятствовать осуществлению ее намерений в Сирии и ради этого готова идти на риск обострения отношений, невзирая на членство Турции в НАТО.

Антитурецкая пропагандистская кампания в российских СМИ продлилась недолго: через две недели после инцидента с СУ-24 ее интенсивность заметно пошла на убыль, и на первые места в политическом дискурсе выдвинулись более традиционные сюжеты: ход военной операции в Сирии и ситуация на Украине. Но ее результаты показали, что и за короткий отрезок времени можно достичь многого. Прежде всего, посыл, нацеленный на турецкое руководство, полностью выполнил свою задачу. На словах выражая готовность и дальше защищать свою территорию, Анкара тем не менее сделала все возможное, чтобы не допускать повторения подобных инцидентов. Россия выиграла соперничество в данном регионе и отстояла

возможность сохранения своего военного и политического присутствия в Сирии.

Судить об эффективности воздействия на внутрироссийскую аудиторию несколько сложнее, хотя данные опросов общественного мнения могут дать об этом определенное представление. В период с 16 по 21 декабря (то есть сразу после завершения медиа-кампании) две крупнейших социологических службы – Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Левада-центр – провели свои исследования, которые дали схожие результаты. ВЦИОМ задал вопрос о том, зачем Турция сбила российский самолет. 21% респондентов охарактеризовали инцидент как намеренную провокацию, другие популярные ответы указывали на связь Турции с нефтяным бизнесом ИГИЛ (10%), влияние США (8%), поддержку Турцией террористов ИГИЛ (5%) и пр. Защитой собственной территории турецкую акцию посчитали лишь 2% респондентов. Поддержали введение разного рода санкций против Турции от 79 до 84% (в наибольшей степени приостановку безвизового режима для турецких граждан), тогда как число противников санкций составило от 11 до 15%. Заметная часть россиян при этом посчитали ответные меры недостаточными (31%), а адекватными их сочли 54%. Правда, при этом около двух третей признали, что санкции принесут негативные последствия и для населения России в виде роста цен на продукты и туристические путевки (ВЦИОМ, 2015).

Левада-центр в свою очередь интересовался у респондентов, на ком лежит вина за то, что российский самолет был сбит турецким истребителем. 56% указали на руководителей Турции и лично президента Эрдогана, 25% на США и НАТО, 17% на турецких летчиков и 7% на правительство России, пославшее войска в Сирию. В данном случае был по-иному сформулирован вопрос о поддержке гражданами ответных мер – Левада-центр спрашивал только, кажутся ли они адекватными. 81% опрошенных одобряли их, и лишь 9% посчитали несоразмерными. Задавался также вопрос об отношении к отказу от отдыха в Турции, и свыше 80% поддержали действия правительства по ограничению туристических поездок, из них половина из-за того, что «Турция проявила себя как недружественное России государство» (Левада-центр, 2015).

Данные служб по изучению общественного мнения косвенно подтверждаются распространившимися в социальных сетях призывами бойкотировать отдых в Турции и турецкие товары, а также много-

численными антитурецкими высказываниями на форумах и в блогах. Кое-где под воздействием медийной атаки на Турцию чересчур ретивые чиновники решили по-своему дополнить список мер против турецких граждан. Так, в начале декабря из Воронежского института высоких технологий были отчислены 8 турецких студентов с официальной формулировкой «в связи с неуспеваемостью и прогулами». Этот случай удостоился особого внимания российского МИДа, который пояснил, что «руководство России не ставит знака равенства между правящей верхушкой Турции и народом этой страны» и порекомендовал руководителям на местах не допускать «перегибов», которые «негативно сказываются на имидже нашей страны» (*Министерство иностранных дел*, 2015). К счастью, подобные примеры остались единичными.

Таким образом, кратковременная, но интенсивная кампания на главных российских телеканалах показала, что общество достаточно легко внушаемо и создание образа врага не представляет существенных сложностей. Население быстро впитывает официальную трактовку событий и готово претерпеть неудобства, вытекающие из осложнения отношений с очередным государством. Вместе с тем непродолжительность медиа-войны говорит о том, что российские власти не хотят полного разрыва с Турцией, поскольку заинтересованы как во взаимодействии в борьбе с международным терроризмом, так и в продолжении сотрудничества в энергетической сфере. Это оставляет надежду на преодоление существующих трений и восстановление уровня российско-турецких отношений. Вместе с тем между странами остаются серьезнейшие разногласия в понимании будущего Сирии и их позиций в ближневосточном регионе. Это грозит повторением кризисов, подобных произошедшему после инцидента с СУ-24. В возможности нового обострения ситуации можно было убедиться в конце января 2016 г., когда турецкие власти сообщили о новом нарушении воздушного пространства российским СУ-34 и объявили «оранжевый» уровень тревоги, который означает «полную готовность» военных и спецтехники на турецких авиабазах, а также предполагает принятие экстренных решений пилотами без согласования с командованием (*Вести.RU*, 2016). Хочется верить, что правительства двух стран извлекли уроки из предыдущего инцидента, стали осторожнее и не будут доводить дело до нового столкновения. Однако следует думать, что пока не произойдут существенные изменения в подходах по борьбе с ИГИЛ и будущему

Сирии, отношения России и Турции не восстановятся. Но ожидать этого пока не приходится.

Библиография

- Бизнес Online, сайт (2016), *Падение на туррынке настолько колоссальное, что уже неважно, на 60 или 80 процентов*, 13.01.2016, <http://www.business-gazeta.ru/article/299002>, 19.01.2016.
- Борусяк Л., Левинсон А. (2015), *Кругом враги: как россияне уживаются с международной изоляцией*, 2.12.2015, <http://www.rbc.ru/opinions/society/02/12/2015/565eb9469a79472e747ee96d>, 31.01.2016.
- Вести.RU, сайт (2014), *Россия не будет строить «Южный поток»*, 1.12.2014, <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2167089>, 28.01.2016.
- Вести.RU, сайт (2016), *Иллюзия вседозволенности: турецкие самолеты будут стрелять без согласований*, 31.01.2016, <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2714634>, 2.02.2016.
- ВЦИОМ, сайт (2015), *Пресс-выпуск № 3002. Инцидент с СУ-24 и как на него реагировать*, 16.12.2015, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115518>, 1.02.2016.
- Интерфакс, сайт (2015), *Новак подтвердил приостановку переговоров по «Турецкому потоку»*, 3.12.2015, <http://www.interfax.ru/business/483000>, 31.01.2016.
- Коммерсант, сайт (2016), *Турция не отзывала разрешения на строительство «Турецкого потока»*, 15.01.2016, <http://www.kommersant.ru/doc/2891556>, 29.01.2016.
- Левада-центр, сайт (2015), *Атака турецких ВВС на российский СУ-24*, 25.12.2015, <http://www.levada.ru/2015/12/25/rossiyane-ob-atake-turetskih-vs/>, 30.01.2016.
- Министерство иностранных дел Российской Федерации, сайт (2015), *Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом СМИ относительно информации о якобы имевших место случаях отчисления из российских вузов студентов из Турции*, 16.12.2015, http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1989711, 25.01.2016.
- Первый канал, сайт (2015), *Архив новостей*, <http://www.1tv.ru/newsarchive/>, 15.01.2016.
- Петр Толстой экономисту: Вы считаете, торговля с Турцией дороже сбитого самолета?* (2015), *Время покажет. Фрагмент выпуска от 26.11.2015*, http://www.1tv.ru/video_archive/projects/timewilltell/p105059, 23.01.2016.
- Политолог: Самый эффективный ответ Турции – курдский ответ!* (2015), *Время покажет. Фрагмент выпуска от 25.11.2015*, http://www.1tv.ru/video_archive/projects/timewilltell/p104995, 23.01.2016.

РИА Новости, сайт (2015), *Ахмет Давутоглу: Турция будет сбивать вторгающиеся в ее небо самолеты*, 17.10.2015, <http://ria.ru/world/20151017/1303770923.html>, 24.01.2016.

Турция – союзник в борьбе с ИГИЛ: реакция либералов на катастрофу Су-24 (2015), <https://ruposters.ru/news/24-11-2015/turciya-soyuznik>, 23.01.2016.

Life News, сайт (2015), *Эрдоган: Я уйду в отставку, если докажут факт покупки нефти у ДАИШ*, 30.11.2015, <http://lifenews.ru/news/172706>, 22.01.2016.

Deutsche Welle, сайт (2015), *Турция пригрозила РФ разрывом газовых контрактов*, 8.10.2015, <http://www.dw.com/ru>, 24.01.2016.

Rosja a Turcja po incydencie z rosyjskim Su-24: kreowanie wizerunku wroga

Streszczenie

W artykule analizuje się antyturecką kampanię medialną prowadzoną przez główne rosyjskie kanały telewizyjne po incydencie z 24 listopada 2015 roku, gdy rosyjski bombowiec Su-24 podczas realizacji zadań w północnej części Syrii został zestrzelony przez raketę z tureckiego myśliwca F-16. Pokazano techniki tworzenia wizerunku wroga oraz cele i wyniki tej kampanii propagandowej. Autor starał się ocenić efekty ochłodzenia stosunków rosyjsko-tureckich, w tym skuteczność przyjęcia odpowiednich politycznych i ekonomicznych sankcji wobec Turcji. Dochodzi on do wniosku, że pomiędzy państwami pozostają poważne sprzeczności w rozumieniu przyszłości Syrii i ich pozycji na Bliskim Wschodzie. To grozi powtórzeniem sytuacji kryzysowych, podobnych do incydentu z Su-24, chociaż rządy zarówno Rosji, jak i Turcji wyciągnęły wnioski z wypadku, stały się bardziej ostrożne i będą starały się nie dojść do bezpośredniej konfrontacji.

Słowa kluczowe: Rosja, Turcja, stosunki międzynarodowe, wojna w Syrii

Russia and Turkey after the Russian Su-24 incident: enemy image creation

Summary

The article analyzes anti-Turkish Media-campaign broken out by major Russian TV channels after the November 24, 2015 incident when Russian bomber Su-24 while carrying out its task in the northern part of Syria was shot down by Turkish F-16. The author shows methods of creating enemy image and considers aims and results of respective propaganda campaign. The article tries to estimate consequences of cooling in Russian-Turkish relations including the effectiveness of admitted retaliatory military and economic sanctions against Turkey. It is concluded that there are very serious

misunderstandings between countries regarding the future of Syria and their positions in the Middle East region. It might lead to a repeat of crisis such the world faced with after the Su-24 incident, though Russian and Turkish governments have learned their lessons and have become more cautious. They will try not to push the matter through and launch straight-line collision.

Key words: Russia, Turkey, international relations, the war in Syria

